

Из истории российского дипломатического протокола

Игорь Семенов,

начальник Управления протокола
Президента РФ (1997–2002 гг.)

Сейчас в России растет интерес общества к подлинно российским корням, изучению русской исторической идентичности. Одним из интереснейших и в то же время малоизученных аспектов нашего прошлого является история русского посольского обычая – прообраза современного дипломатического протокола.

Прежде всего стоит остановиться на взаимоотношении таких понятий, как обычай, традиции, церемониал, ритуал, этикет, протокол.

Обычай в общении, как правило, берет начало в народной обрядности и со временем превращается в традицию и оба эти понятия исконно относятся скорее к повседневной жизни. Обычаи формируются в течение столетий и сохраняются в виде традиций уже в более поздние времена. Примером такого древнего обычая, ставшего традицией, является у русских преподнесение при встрече уважаемому гостю хлеба-соли или чарки водки на серебряном подносе. А что по сути означает в переводе с французского или английского понятие "традиция"? Да тот же русский обычай!

Слова этикет, церемониал пришли в Россию гораздо позже, после внедрения Петром I западноевропейских стандартов жизни в российскую действительность. Эти понятия уже никак не были связаны с патриархальным, древнерусским укладом и относились исключительно к высшим кругам российского общества, к их стилю общения. Установленные (почти всегда лично самодержцем) правила поведения в обществе складывались порой в запутанную и громоздкую, в то же время всем участвующим понятную систему общения, нарушение которой влекло за собой осуждение позволившего себе *faux-pas* со стороны окружающих. Правила этикета касались индивидуально каждого члена высшего света или причислявших себя к нему будь то в Петербурге, Москве или провинциальном городе. Этим правилам учили с детства в благородных семействах, а детей победнее – в пансионах, и далеко не всегда качественно.

В то же время церемониал являлся театрализованным действом с участием высших лиц и всех присутствующих. Это могли быть и выход государя или государыни на службу в церковь, или их поездка из одного города в другой, или празднование годовщины победы над врагом, бракосочетания высочайших особ, крестьяне, именины, и т.д.

Особняком в дворцовых церемониалах стоял посольский. К обычной задаче придворных царедворцев создать пышное церемониальное действие с тем, чтобы оно понравилось монарху, посольский церемониал добавлял требование учитывать особенности и традиции иностранного двора, который представлял посол или полномочный посланник.

* Продолжение. Начало см. "Обозреватель–Observer". 2006. № 10.

Понятие “протокол”, закрепившееся в практике межгосударственных отношений с XIX в., по своей сути оставалось тем же церемониалом XVIII в., с потерей, однако, пышности и богатства, которые были присущи царствующим дворам Европы того периода.

Современный протокол в основных своих составляющих унифицирован и рационален, он направлен исключительно на конечный результат – благоприятный итог переговоров. Конечно, многое зависит от личности руководителя государства, его пристрастий, жизненного опыта и фантазии, что нередко отражается на программе пребывания иностранного гостя.

Среди историков существуют различные мнения о том, традиции какой страны повлияли больше всего на придворный посольский обычай Кремля в XIV–XVII вв. Одни исследователи говорят о влиянии Золотой Орды, в течение двухсот лет насаждавшей свои порядки на Руси, другие полагают, что основы церемониалов закладывались под влиянием Византии. Многие же считают, что только Европа могла дать пример для русских “варваров”. Иностранные, побывавшие в Москве, видели сходство основополагающих кремлевских правил общения с дипломатами с церемониалами восточных стран, в частности Персии и Китая.

Истина, как всегда, находится где-то посередине. Русь в силу своего географического положения ощущала на себе влияние и Европы, и Азии, одновременно воспринимая тот иностранный опыт, который отвечал запросам русской политической элиты в определенные исторические периоды. Важное значение играл и опыт, накопленный междукняжеской дипломатией удельного периода.

Посольский церемониал при Московском дворе сложился в стройную систему протокольных норм при великом князе Василии III Ивановиче. Однако основы посольского обычая Кремля начали вырабатываться еще прежде, при его отце Иване III, то есть во второй половине XV в.

Собирание разрозненных частей русских земель в единое государство, утверждение за Москвой роли преемника Византийской империи, образа твердыни православия, выход Московского государства на международную арену, женитьба Ивана III на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог – все эти факторы вынуждали московских великих князей и их придворных выработать такой посольский церемониал, который бы отвечал новому образу русских государей.

Патриархальный стиль общения с иностранными послами уже не годился. Статус русского государя, выросший в XV в. в глазах иностранцев многократно, не позволял следовать старым упрощенным схемам посольского церемониала. Требовалась протокольные нормы, соответствующие внешнеполитическим задачам московских государей. И, естественно, что боярский Кремль перенимал все самые достойные, соответствующие его пониманию величия русского государя, нормы из церемониальной посольской практики. Если посмотреть внимательно на сформировавшийся при Василии III церемониал, то в нем можно увидеть сочетание самых разнообразных элементов, перенятых Кремлем из разных источников.

В некоторых его чертах видно влияние Византии – чествование по-

слов и, одновременно, ограничение их свободы, демонстрация им множества войск и народа совпадает с приемами, употреблявшимися в Византии.

В сборнике сведений об иноземных сношениях Византийского двора "Книге о церемониях", составленном в X в. при императоре Константине VII Багрянородном, в статье "Как надо посыпать и принимать посольства" сказано: "Чужеземных послов следует принимать с почетом и щедростью, со слугами их надо быть осторожными, чтобы они путем расспросов не приобрели каких-либо сведений. Послам соседних держав надо показывать не богатства свои и красоту женщин, но свою многочисленность и боевые силы"¹.

Еще одно возможное кремлевское заимствование из посольских церемониалов Византии было то, что, как и император, великий князь во время торжественных церемониальных приемов не удостаивал посла вопросом лично, за него это делал вельможа. Интересно, что даже в просвещенном XVIII в. этот обычай сохранился.

Влияние византийского церемониала, видимо, могло оказаться и на кремлевском обычве не сажать послов за один стол с великими князьями, какую бы честь до этого этим послам не оказывали. Это было одной из непреложных норм придворного церемониала Византии².

Русский историк Н.И.Костомаров относит к византийскому влиянию "громкий титул царя, целование монаршей руки, появление придворных чинов: ясельничего, кононьюшего, постельничего"³.

Теперь о возможных заимствованиях из церемониальных обрядов Востока. Прежде всего, это пришедшее из Золотой Орды запрещение послам являться на аудиенцию в Кремль с оружием. Не исключено, что влияние Востока сказалось и на обычве устанавливать охрану (рынд) вокруг трона и во время пиров. Та-

кого в европейской протокольной практике не наблюдалось.

Из Персии и Китая Кремль перенял порядок приезда иностранных посольств в Московское государство. И там, и там иностранцам запрещалось пересекать границы государства, предварительно не уведомив о своем прибытии воеводу близлежащего города, который обязан был, в свою очередь, отправить гонца в столицу и дождаться соответствующих царских указаний. Общим правилом как для Московии, так и для Персии и Китая был обычай брать иностранное посольство на полное государево содержание⁴.

Очень интересно выяснить, что кремлевский посольский церемониал XV–XVII вв. позаимствовал из древнерусских посольских обычаев.

Летописи XI–XIII вв. однозначно свидетельствуют о том, что обмен послами между русскими князьями был нормальной формой общения. Определяющим элементом, оказывавшим влияние на церемониал посольских приемов, было то, что русские князья придерживались таких форм дипломатических переговоров, которые были выработаны еще ранее, до введения на Руси письменности. Русские князья в исключительно редких случаях "пересылались между собой грамотами", в подавляющем большинстве описываемых примеров они "ссылались речами".

Так как послу поручалось передать не грамоты, а "речи", то есть фактически прямую речь его князя, то соответственно и прием посла был довольно простым. Постол приезжал к князю, к которому его направили, и, перед тем как передать порученные ему "речи", объявлял: "тако ти молвит князь" или "а тако ти глаголет".

В древнерусской посольской практике не было церемониала передачи послем грамоты. Из русских князей только Владимир Мономах, материю которого была

греческая царевна Анна, дочь императора Константина Мономаха, посыпал в XII в. "грамотицу" князю Олегу Святославовичу⁵.

В древнерусских летописях осталась запись о том, что в 1164 г. епископ Антон, "родом гречин", приспал с послом грамоту князю Святославу Всеволодовичу. В основном, в летописях упоминаются приезды греческих и венгерских послов, как и сношения с "ляхами" и половцами.

Говоря о возможном влиянии древнерусского посольского обычая на посольский церемониал, можно отметить, что отдельные элементы зарождались именно в XI–XIII вв. Хотя сами эти обычаи носили скорее характер народной обрядности. Обязательными элементами было встретить гостя (посла), усадить, выслушать его, дать ему ответ, угостить его трапезой, предоставить ночлег и с честью отправить назад.

Форма дипломатического контакта посредством обмена устными обращениями ("ссылки речами") естественно предполагала отсутствие какой-либо сложной процедуры общения князей с послами. Это были беседы в узком кругу в присутствии ближайших советников или наедине.

В Лаврентьевской летописи 1097 г. сохранилось описание поездки посла князя Давыда попа Василия к князю Васильку Теребовльскому. Когда посол передал поручение своего князя, и "сказал мне Василько: "поседи мало". Повелел слуге своему иди вон, и сел со мною с глаза на глаз, и начал говорить мне..."⁵.

Любопытно, что также как в XV–XVII вв., послам и в XI в. давались наказы о том, как должен себя вести посол в том или ином случае, поручалось передать поклон князю и просить о его здоровье.

Наставляя своего посла к Юрию Долгорукому, князь Вячеслав Киевский в 1151 г. (по Ипатьевской летописи) говорил: "поеди к брату Гюргеви, брата от мене поцелуй"⁵.

Все это напоминает церемониальную практику XV–XVII вв., когда вопрос государя о здоровье монарха, направившего посла, считался обязательным элементом посольского церемониала.

Весьма обоснованной кажется точка зрения некоторых историков относительно того, что большое влияние на русский посольский церемониал оказывал опыт общения Москвы с Великим княжеством Литовским. Ведь обмен послами между ними был довольно интенсивным в XI–XIII вв. Видимо, именно в ходе общения с литовскими дипломатами происходила наработка тех навыков, которые затем Кремль ввел в норму своей церемониальной практики. Литовские же протокольные обычаи мало чем отличались от общепринятых в Западной Европе.

На формирование классического допетровского придворного посольского церемониала, конечно же, большое влияние оказывал практический опыт, получаемый московскими послами в столицах иностранных держав. По мере роста могущества русских князей, усиления влияния Московского государства, укрепления его авторитета росло и понимание необходимости поддержания чести и достоинства государя. Поэтому московские бояре отмечали любой нюанс в обхождении с русскими послами при иностранном дворе, скрупулезно отмечая это в посольских отчетах ("статейных списках"). Эти записи становились прецедентами при приеме соответствующих иностранных послов.

Накапливавшийся эмпирическим путем опыт в течение веков складывался в упорядоченную систему, которая и стала придворным посольским церемониалом. Главной и характерной чертой его было всемерное соблюдение равенства между

московским царем и зарубежными государствами. На протяжении веков перед посольскими дьяками стояла одна задача – ни в коем случае не умалить достоинства московского самодержца. Большой ошибкой было воздать другим государствам больше почета, чем они заслуживали по их положению.

В 1532 г. при приеме Хозеи Уссеина, посла индийского хана Бабуры, великий князь Василий Иванович “не приказывал хану о братстве”, ибо не знал равен ли ему этот индийский государь, самодержец ли он или просто “урядник” Индийского царства¹.

Царь Иван Грозный также отказывал в названии брата польскому и шведскому королям, считая их ниже себя, как государей не по “Божьему изволению, а по многомятежному человеческому хотению”, то есть не прирожденных, а избираемых подданными¹.

На том же основании местнических счетов азиатских послов при московском дворе принимали иначе, чем европейских. По мере того, как менялось взаимное отношение государей, менялся и церемониал приема их послов.

Во времена владычества татар московский князь, по словам путешественника Михалона Литвина, должен был встречать посла хана за Москвою: пешим вести за уздцы его коня, с которого тот не слезал; ввести посла во дворец, посадить его на свой престол и коленопреклоненно слушать его посольство¹.

По видимому, самому Ивану III приходилось проделывать, если не такую, то все же унизительную церемонию. Он должен был выходить, по свидетельству Сигизмунда Герберштейна, находившегося в Москве в составе императорского посольства в 1526 г., за город навстречу татарскому послу и выслушивать его стоя, в то время как тот сидел на лошади⁶.

После освобождения от татарского ига и падения Золотой Орды, московский князь стал смотреть на бывших владык как равный им, и в приеме послов крымских ханов

не осталось и следа прежнего унижения. Еще менее церемонились с послами “ногайскими и калмыцкими”.

В XVI–XVII вв. в Кремле уже сложилась своеобразная, устраивающая московских царей иерархия иностранных государств. В соответствии с этой иерархией строился и сложный кремлевский посольский церемониал.

К середине XVII в. порядок, в котором рассматривались иностранные послы по степени значимости их монархов для московского двора, был примерно следующим:

1. Германский император
2. Король Швеции
3. Король Польши
4. Король Англии
5. Король Дании
6. Генеральные штаты соединенных Нидерландов
7. Король Франции
8. Король Испании
9. Король Португалии
10. Турецкий султан
11. Индийский хан
12. Персидский шах
13. Крымский хан
14. Калмыцкий хан
15. Татарский хан и др.⁷.

К послам государей, равных по положению с великим князем, применялся принцип равенства отношений. Любые нарушения церемониальных правил иностранным двором в отношении московского посла рассматривались в Москве, как попытка умалять достоинство русского государя. С послом монарха, допустившего такое обращение с московским посланником, Кремль расплачивался “той же монетой”.

В силу данных инструкций русские послы с упорством отстаивали свои права и честь, как представители московского государя, и были непримиримы в деле соблюдения подоба-

ющего этикета, добиваясь своего, иногда после продолжительнейших пререканий предпочитая совсем прервать сношения, чем поступиться честью царя.

Твердость придворных в отстаивании данных им инструкций была прямо пропорциональной тому наказанию, которое их ждало от государя в случае их нарушения.

О подобном поведении русских придворных с пониманием рассказывает Адам Олеарий, описывая въезд голштинского посольства в Москву в 1636 г. "Когда приставы были еще в двадцати шагах от нас, они велели сказать, чтобы господа послы вышли из своих саней и подошли к ним. Сами же приставы сошли с коней и обнажили головы не раньше, как когда это предварительно сделано было послами. Подобного образа действий, насколько возможно тщательно, должны придерживаться ради государя своего знатнейшие сановники великого князя, в особенности приставы его, за нарушение этого обычая им грозят немилость или кнут"⁴.

Вот еще один пример суровости наказания для послов за нарушение царского указа, который нам оставил один из приезжавших в Москву в 1526 г. европейских дипломатов. Он описывал случай, произошедший с боярином Василием Третьяком Далматовым, которого великий князь назначил послом к императору Максимилиану. "Ему приказали уже готовиться к отъезду. Третьяк стал отговариваться недостатками в средствах на путевые издережки и тому подобное; его тотчас схватили и отправили на Белоозеро в вечное заточение, где он и умер в самом несчастном положении. Движимое и недвижимое его имение князь отобрал на себя и, несмотря на то, что получил до 3 млн. флоринов наличными, братьям и наследникам он не дал ни полушки"⁵.

В результате активных дипломатических контактов, использования русского и иностранного опыта, суровых нравов того времени был

создан кремлевский посольский церемониал, в котором немного места отводилось творчеству.

Со времени Василия Ивановича, то есть с начала XVI в., устои посольского церемониала оставались, в общем и целом, неизменными. Но те нравы и обычаи, которые царили в Кремле при Иване III и Василии III, становились все более архаичными к концу XVII в.

О том, насколько живучая была приверженность традициям в русской политической эlite, свидетельствует тот факт, что еще в 1675 г., то есть всего за 20 лет до начала петровских преобразований, царь Алексей Михайлович издал указ: "Стольнику и Стряпчим и Дворянам Московскому и Жильцом..., чтоб они иноземских, немецких и иных иззычаев не перенимали, волосов у себя на голове не постригали, також и платья, кафтанов и шапок с иноземских образцов не носили, и людям своим потомуж носить не велели; а буде кто впредь учнет волосы подстригать и платье носить с иноземского образца, или такоеж платье объявится на людях их, и тем от Великаго Государя быть в опале, и из вышних чинов написаны будут в нижние чины"⁶.

Некоторые попытки реформировать кремлевские церемониалы, которые были лишь одной из составляющих общего образа жизни русских государей, предпринимались при Борисе Годунове и в период Смутного времени. И Борис Годунов, и Лжедмитрий вносили определенные изменения как в целом в придворную жизнь в Кремле, так и в церемониалы.

Борис Годунов мог позволить себе не бывалое обращение с иностранцем на аудиенции и на обеде в его честь.

Принимая в Золотой палате в Кремле принца Ганса, брата датского короля Христиана IV, царь Борис и царевич Федор встали с тронов, обняли принца, посадили рядом с собой и долго с ним беседовали.

За обедом в Грановитой палате принц сидел за одним столом с государем. А во время пира царь и царевич сняли с себя драгоценнейшие алмазные цепи, подарили ему два золотых, украшенных яхонтами ковша, несколько серебряных сосудов, меха и одежду¹⁰.

Понятно, что принц был не простым послом, а женихом для дочери Годунова Ксении, тем не менее, обращение с ним выходило за рамки любых кремлевских церемониалов.

Лжедмитрий, в свою очередь, устраивал необыкновенно пышные приемы, пытался переиначить кремлевские обычаи на польско-литовский лад. Ставшие при нем регулярными церемониальные приемы польских послов, родственников царицы, их свиты, превосходили по пышности и одновременно по кровенному пренебрежению русскими традициями все границы. Если раньше иностранцы по приезде в Москву размещались по строго определенным дворам, то при Самозванце их понаехало такое количество, что это стало похожим, по словам дореволюционного историка, "чуть ли не на вражеский разгром". Он "повелел и литву и ляхов ставити по большим боярским и по княжеским дворам, и по подъячим, и по владычным, и гостинных и торговых людей, по большим, и по добрым, и по богатым дворам. И бысть мятеж великой, и крик и вопль мног, и из дворов добрых людей метаху и выби-ваху насильно, на дворех же имаху всякие запасы, и грабляху до конца, и насилие бысть великое всем добрым людем"¹¹.

Такой же беспорядок наблюдался и во время пышных пиров в Кремле. На одном из приемов Лжедмитрий появился в гусарском наряде. Еще одним его новшеством было добавление к четырем рындам с топориками, стоявшим вокруг царского трона, еще одного пятого — с обнаженным мечом.

Боярам с трудом удалось удержать Лжедмитрия от того, что хотели сделать поляки — нарядить его невесту Марину Мнишек в польское платье для венчания в Успенском соборе. Разнужданное поведение иностранной свиты в Успенском и дру-

гих соборах во время их пребывания в Кремле, демонстративное неуважение к русским традициям и обычаям, в том числе и в церемониальных порядках, было одной из причин свержения Дмитрия Самозванца.

Придворный посольский церемониал как часть кремлевских церемониалов на протяжении XV–XVII вв. сложился в систему правил, обрядов, традиций, которая нигде не будучи прописана, тем не менее соблюдалась досконально, до последнего слова и жеста.

С течением времени менялись некоторые элементы дипломатического церемониала, они неизбежно подстраивались под индивидуальные черты отдельных государей. В то же время, основы схемы приема иностранных послов, заложенные при Василии III Ивановиче, оставались незыблемыми.

Может быть причина крылась в том, что не менялось принципиальное отношение к иностранным послам в целом. Они по-прежнему оставались чужими людьми, таившими в себе и в своем поведении опасность для устоев власти, в особенности, для боярского строя.

В большей своей массе, оставаясь необразованными, без знаний европейской культуры, языков, бояре справедливо опасались конкуренции иностранцев, как правило, обладавших всеми этими качествами. С другой стороны, бояре сами были рождением того общественного строя, который существовал в Московском государстве.

Как бы то ни было, но посольский церемониал, сложившийся в начале XV в., просуществовал до конца XVII в. без каких-либо существенных изменений.

При Петре I еще какое-то время продолжали действовать посольские обычаи боярской Руси, хотя и подвергавшиеся уже определенной ломке, заметной и в одежде придворных, и в поведении самого царя в отношении зарубежных послов. Это выражалось, в частности, в более простой, присущей только Петру, форме общения с иностранцами, которые, как представляется, были для него более понятными, чем собственные московские бояре, придворная кремлевская челядь и стрельцы.

Однако этот период сочетания нового и старого в посольской практике удивительным образом совпал с жизнью молодого царя в Москве. Со строительством Петербурга и переездом туда двора можно смело говорить о кончине традиционного посольского обычая периода боярской Руси.

В то же время, приведение в норму, создание писаного свода правил, регламентирующего новый церемониал приема иностранных послов относится только к 1744 г. Эта работа была осуществлена по велению императрицы Елизаветы.

С этого времени можно, вероятно, и вести отсчет современному дипломатическому протоколу России.

Примечания

- ¹ Московский Кремль в старину и теперь. Сост. С.П. Бартенев. Кн. 2. М.: Изд. Министерства Императорского Двора, 1916. С. 159, 160, 162–163, 293.
- ² Юзефович Л.А. Из истории посольского обычая конца XIV – начала XVII веков (Столовый церемониал Московского Двора). Исторические записки. Т. 98. М.: Наука, 1977. С. 335.
- ³ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях его главнейших деятелей. М.; 1993. С. 147.
- ⁴ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Пер с нем. А.С.Ловягина. Смоленск: Русич, 2003. С. 26, 131.
- ⁵ Лихачев Д.С. Русский посольский обычай XI–XIII веков. Исторические записки. Т. 18. М.: Наука, 1946. С. 43, 46.
- ⁶ Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб., 1908. С. 198.
- ⁷ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. СПб.; 1884. С. 39–41.
- ⁸ Семенов В. Библиотека иностранных писателей о России. Т. 2. СПб.; Типография III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. С. 45.
- ⁹ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в 16 и 17 веках. Т. 1. Ч. 1. 4-е изд. М.: Изд. А.Д.Ступина, 1915. С. 442.
- ¹⁰ Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. Ч. 2. М.: Изд. Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете, 1864. С. 70.